

Батрахиомахия

Батрахиомахия(Война мышей и лягушек).mp3

Читает Михаил Сычев

Перевод М. Альтман

[К содержанию](#)

- Ἀρχόμενος πρώτης σελίδος χορὸν ἐξ Ἑλικῶνος
ἐλθεῖν εἰς ἐμὸν ἦτορ ἐπεύχομαι εἶνεκ' αἰοιδῆς,
ἦν νέον ἐν δέλτοις ἐμοῖς ἐπὶ γούνασι θῆκα,
δῆριν ἀπειρεσίην, πολεμόκλονον ἔργον Ἴαρος,
- 5 εὐχόμενος μερόπεσσιν ἐς οὐατα πάσι βαλέσθαι
πῶς μύες ἐν βατράχοισιν ἀριστεύσαντες ἔβησαν,
γηγενέων ἀνδρῶν μιμούμενοι ἔργα Γιγάντων,
ὡς λόγος ἐν θνητοῖσιν ἔην· τοίην δ' ἔχεν ἀρχήν.
Μῦς ποτε διψαλέος γαλέης κίνδυνον ἀλύξας,
- 10 πλησίον ἐν λίμνῃ λίχνον προσέθηκε γένειον,
ὔδατι τερπόμενος μελιηδέϊ· τὸν δὲ κατεῖδε
λιμνόχαρις πολύφημος, ἔπος δ' ἐφθέγγετο τοῖον·
Ἐεῖνε τίς εἶ; πόθεν ἦλθες ἐπ' ἡῖόνας; τίς ὁ
φύσας;
πάντα δ' ἀλήθευσον, μὴ ψευδόμενόν σε νοήσω.
- 15 εἰ γὰρ σε γνοίην φίλον ἄξιον ἐς δόμον ἄξω·
δῶρα δέ τοι δάσω ξεινήϊα πολλὰ καὶ ἐσθλά.
εἰμὶ δ' ἐγὼ βασιλεὺς Φυσίγναθος, ὃς κατὰ λίμνην
τιμῶμαι βατράχων ἠγούμενος ἤματα πάντα·
καὶ με πατὴρ Πηλεὺς ἀνεθρέψατο, Ὑδρομε δούση
- 20 μιχθεῖς ἐν φιλότῃ παρ' ὄχθας Ἡριδανοῖο.
καὶ σὲ δ' ὀρῶ καλόν τε καὶ ἄλκιμον ἔξοχον
ἄλλων,
σκηπτοῦχον βασιλῆα καὶ ἐν πολέμοισι μαχητὴν
ἔμμεναι· ἀλλ' ἄγε θάσσον ἔην γενεὴν ἀγόρευε.
Τὸν δ' αὖ Ψυχάρπαξ ἀπαμείβετο φώνησέν τε·
βρωτοῖς,
- 25 τίπτε γένος τοῦμὸν ζητεῖς; δῆλον δ' ἐν ἅπασιν
ἀνθρώποις τε θεοῖς τε καὶ οὐρανόις πετεηνόις.
Ψυχάρπαξ μὲν ἐγὼ κικλήσκομαι· εἰμὶ δὲ κοῦρος
Τρωξάρταο πατρὸς μεγαλήτορος· ἡ δὲ νῦ μήτηρ
Λειχομύλλη, θυγάτηρ Πτεροτρῶκτου βασιλῆος.

К первой строке приступая, я муз хоровод с Геликона
Сердце мое вдохновить умоляю на новую песню[1],—
С писчей доской на коленях ее сочинил я недавно[2],
— Песню о брани безмерной, неистовом деле Арея.

5 Я умоляю, да чуткие уши всех смертных услышат,
Как, на лягушек напавши с воинственной доблестью,
Мыши. В подвигах уподоблялись землею
рожденным гигантам [3].

10 Дело, согласно сказанью, начало имело такое[4].
Раз как-то, мучимый жаждою, только что спасшись от
кошки, Вытянув жадную мордочку, в ближнем болоте мышонок.
Сладкой водой упи вался, — его на беду вдруг
увидел. Житель болота болтливый и с речью к нему
обратился: «Странник, ты кто? Из какого ты роду? И прибыл
откуда? Всю ты мне правду поведай, да лживым тебя не
признаю[5].

15 Если окажешься дружбы достойным, сведу
тебя в дом свой. И, как любезного гостя, дарами
почту торовато. Сам я прославленный царь Вздоломорда
и здесь на болоте. Искони всепочитаемый
вождь и владыка лягушек. Родом же я от Грязного,
который с царевною Водной[6]

20 На берегах Эридана в любви сочетался счастливо.
Впрочем, и ты, полагаю, из роду невовсе простого:
Может быть, царь скипетр одержец и мощный в боях
предводитель[7]. Ну, не таи же, открой мне скорее свой
род именитый». Тут на расспросы лягушки мышонок
пространно ответил:

25 «Что ты о роде моем все пытаешь? Он всюду
известен: Людям, бессмертным богам и под небом
витающим птицам. Имя мое — Крохобор, я горжусь
быть достойным потомком, Храброго духом отца
Хлебогрыза и матери милой[8], Ситолизуньи,
любезнейшей дочки царя Мясоеда.

- 30 γείνατο δ' ἐν καλύβῃ με καὶ ἐξεθρέψατο
σύκοις καὶ καρύοις καὶ ἐδέσμασι παντοδαποῖσιν.
πῶς δὲ φίλον ποιῆ με, τὸν ἐς φύσιν οὐδὲν ὁμοῖον;
σοὶ μὲν γὰρ βίος ἐστὶν ἐν ὕδασι· αὐτὰρ ἔμοιγε
ὅσσα παρ' ἀνθρώποις τρώγειν ἔθος· οὐδέ με λήθει
- 35 ἄρτος τρισκοπάνιστος ἀπ' εὐκύκλου κανέοιο,
οὐδὲ πλακοῦς τανύπεπλος ἔχων πολὺ σησαμίotypon,
οὐ τόμος ἐκ πτέρνης, οὐχ ἦπατα λευκοχίτωνα,
οὐ τυρὸς νεόπηκτος ἀπὸ γλυκεροῖο γάλακτος,
οὐ χρηστὸν μελίτωμα, τὸ καὶ μάκαρες ποθέουσιν,
οὐδ' ὅσα πρὸς θοίνας μερόπων τεύχουσι μάγειροι,
- 41 κοσμοῦντες χύτρας ἀρτύμασι παντοδαποῖσιν.
53 οὐ τρώγω αφάνους, οὐ κράμβαις, οὐ κολοκύντας,
οὐ σεύτλοις χλωροῖς ἐπιβόσκομαι, οὐδὲ σελίνοις·
- 55 ταῦτα γὰρ ὑμέτερ' ἐστὶν ἐδέσματα τῶν κατὰ λίμνην.
Πρὸς τάδε μειδήσας Φυσίγναθος ἀντίον ἠῦδα·
ξεῖνε λίην ἀνχεῖς ἐπὶ γαστέρι· ἔστι καὶ ἡμῖν
πολλὰ μάλ' ἐν λίμνῃ καὶ ἐπὶ χθονὶ θαύματ' ἰδέσθαι.
ἀμφίβιον γὰρ ἔδωκε νομῆν βατράχοισι Κρονίων,
- 60 σκιρτήσαι κατὰ γαίαν, ἐν ὕδασι σῶμα καλύψαι,
στοιχείοις διττοῖς μεμερισμένα δώματα νοίειν.
εἰ δ' ἐθέλεις καὶ ταῦτα δαήμενοι εὐχερές ἐστι·
βαλῖνέ μοι ἐν νύτοισι, κράτει δέ με μήποτ' ὀλίσθης,
ὅπως γηθόσυνος τὸν ἐμὸν δόμον εἰσαφίκηαι.
- 65 Ὡς ἄρ' ἔφη καὶ νῶτ' ἐδίδου· ὁ δ' ἔβανει τάχιστα
χεῖρας ἔχων τρυφεροῖο κατ' ἀνχένος ἄμματι κούφῳ.
καὶ τὸ πρῶτον ἔχαιρεν ὅτ' ἔβλεπε γείτονας ὄρμους,
νήξει τερπόμενος Φυσίγνάθου· ἄλλ' ὅτε δὴ ἔα
κύμασι πορφυρέοισιν ἐκλύζετο πολλὰ δακρύων
- 70 ἄχρηστον μετάνοιαν ἐμέμφετο, τίλλε δὲ χαίτας,
καὶ πόδας ἔσφιγγεν κατὰ γαστέρος, ἐν δὲ οἱ ἦτορ
πάλλετ' ἀπθείῃ καὶ ἐπὶ χθόνα βούλεθ' ἰκέσθαι·
δεινὰ δ' ὑπεστενάχιζε φόβου κρυόεντος ἀνάγκη.
οὐρῆν μὲν πρῶτ' ἔπλασ' ἐφ' ὕδασι· ἦτε κώπην

- 30 А родился в шалаше я и пищей обильной взле-
леял: Смоквою неясною, сочным орехом и всяческой сне-
дью, Дружба же вряд ли меж нами возможна: мы слишком
не схожи: Жизнь вся твоя на воде протекает, а мне вот, на
суше, Пища привычна людей, и меня на дозоре не минет:
- 35 Ни из красивоплетенной корзины калач белоснеж-
ный, Ни с чечевичной начинкой пирог с творогом много-
слойный, Ни окровавленный окорок, ни с белым жиром
печенка, Ни простокваша, ни сыр молодой, ни парная сме-
тана, Ни пирожочки медовые, — их же вкушают и боги
[9], —
- 40 Словом, ничто из того, что к пирам повара припа-
сают, Вкусно приправами всякими пищу людей усла-
щая. Не убежал никогда я с опасного поля сраженья,
Первому следуя зову, я в первых рядах подвизаюсь [10].
Даже его не страшусь, человека с огромнейшим телом:
- 45 Смело на ложе взобравшись, цепляюсь за кончики
пальцев, Или пята ухвачу, и хоть боль до людей не доходит,
Скованный сном человек моего не избегнет укуса. Но,
признаюсь, опасаясь и я двух чудовищ на свете: [11]
Ястреба в небе и кошки — великое с ними мне горе, —
- 50 Также и скорбной ловушки, где рок затаился ко-
варный. Эти напасти — все страшные, наипошнейшая
— кошка: Даже к зарытым в норе норовит она ловко про-
браться. Редьки же грызть я не склонен, ни толстой капу-
сты, ни тыквы, И не питаюсь ни луком зловоннейшим,
ни сельдереем, —
- 55 Яства отменные, впрочем, для тех, кто живет у бо-
лота...» На Крохобора слова Вздлуморда со смехом отве-
тил: «Что ты, о друг, все о брюхе толкуешь? Поверь мне,
немало. Есть и у нас, на воде и на суше, чему подивиться.
Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил Кро-
нион: [12]
- 60 Можем мы прыгать по суше, можем плясать под
водою И обитаем в жилищах, обеим стихиям открытых.
Если желаешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
На спину только мне прыгни, держись, понадежней усев-
шись, А уже я тебя с радостью в самый свой дом пере-
правлю».
- 65 Так убеждал он и спину подставил, и тотчас мы-
шонок, Лапками мягкую шейку обняв, на лягушку взо-
брался. Был он вначале доволен: поблизости виделась
пристань, Плыл на чужой он спине с наслаждением... Но
как внезапно. Буйной хлестнуло волною в него, проклиная
затею,
- 70 Жалобно тут завопил он, стал волосы рвать и ме-
таться, Горестно лапки под брюхом ломать, а трусливое
сердце билось неистово и порывалось на берег желанный.
От леденящего страха стенаньями глушь оглашая, Правит
меж тем он подвижным хвостом, как послушным корм-
лом,

75 σύρων, εὐχόμενος δὲ θεοῖς ἐπὶ γαίαν ἰκέσθαι
 ὕδασι πορφυρέοισιν ἐκλύζετο, πολλὰ δ' ἐβάστροι
 καὶ τοῖον φάτο μῦθον ἀπὸ στόματός τ' ἀγόρευσε
 Οὐχ οὕτω νότοισιν ἐβάστασε φόρτον ἔρω-
 τος
 ταῦρος ὅτ' Εὐρώπην διὰ κύματος ἦγ' ἐπὶ Κρήτην

80 ὡς μὲν ἀπλώσας ἐπινώτιον ἦγεν ἐς οἶκον
 βάτραχος ὑψώσας ὠχρὸν δέμας ὕδατι λευκῶ.
 Ὕδρος δ' ἐξαιφνης ἀνεφαίνετο, πικρὸν ὄραμα
 ἀμφοτέροις ὄρθον δ' ὑπὲρ ὕδατος εἶχε τράχηλον.
 τοῦτον ἰδὼν κατέδου Φυσίγναθος, οὐ τι νοήσας

85 οἶον ἐταῖρον ἔμελλεν ἀπολλύμενον καταλείπειν.
 δὴ δὲ βάθος λίμνης καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν.
 κεῖνος δ' ὡς ἀφῆθη, πέσεν ὑπτιος εὐθὺς ἐφ' ὕδωρ,
 καὶ χειρὰς ἔσφιγγε καὶ ὀλλόμενος κατέτριψε.
 πολλάκι μὲν κατέδυνεν ὑφ' ὕδατι, πολλάκι δ' αὖτε

90 λακτίζων ἀνέδυνε μόνον δ' οὐκ ἦν ὑπαλύξαι.
 δευόμενοι δὲ τρίχες πλεῖον βάρος εἶλκον ἐπ'
 αὐτῶ
 ὕδασι δ' ὀλλόμενος τοίους ἐφθέγγετο μύθους
 Οὐ λήσεις δολίως Φυσίγναθε ταῦτα ποιήσας,
 ναυηγὸν ἴψας ἀπὸ σώματος ὡς ἀπὸ πέτρης.

95 οὐκ ἄν μου κατὰ γαίαν ἀμείνων ἦσθα κάκιστε
 παγκρατίῳ τε πάλη τε καὶ εἰς δρόμον ἄλλα
 πλανήσας

97 εἰς ὕδωρ μ' ἔρριψας. ἔχει θεὸς ἐκδικὸν ὄμμα.

99 Ὡς εἰπὼν ἀπέπνευσε ἐν ὕδασι τὸν δὲ κατείδεν
 Λειχοπίναξ ὄχθησιν ἐφεζόμενος μαλακῆσιν
 δεινὸν δ' ἐξολόλυξε, δραμῶν δ' ἠγγελε μύεσσι.
 ὡς δ' ἔμαθον τὴν μοῖραν ἔδου χόλος αἰνὸς ἄπαντας.
 καὶ τότε κηρύκεσσι εὐοῖς ἐκέλευσαν ὑπ' ὄρθρον
 κηρύσσειν ἀγορήνδ' ἐς δώματα Τρωξάρταο,

105 πατρὸς δυστήνου Ψυχάρπατος, ὃς κατὰ λίμνην
 ὑπτιος ἐξήπλωτο νεκρὸν δέμας, οὐδὲ παρ' ὄχθαις
 ἦν ἤδη τλήμων, μέσσω δ' ἐπενήχετο πόντω.
 ὡς δ' ἦλθον σπεύδοντες ἅμ' ἡοῖ, πρῶτος ἀνέστη
 Τρωξάρτης ἐπὶ παιδὶ χολούμενος, εἶπε τε μῦθον

110 ὦ φίλοι εἰ καὶ μοῦνος ἐγὼ κακὰ πολλὰ πέπονθα
 ἐκ βατράχων, ἢ πεῖρα κακῆ πάντεσσι τέτυκται.
 εἰμὶ δ' ἐγὼ δύστηνος ἐπεὶ τρεῖς παῖδας ὄλεσσα.
 καὶ τὸν μὲν πρῶτόν γε κατέκτανεν ἀρπάξασα
 ἔχθιστος γαλέη, τρώγλης ἔκτοσθεν ἐλούσα.
 τὸν δ' ἄλλον πάλιν ἄνδρες ἀπηνέες ἐς μόνον εἶλξαν

И умоляет богов привести его на берег целым. Так, чем он более тонет, тем стонет безудержней, громче, И, наконец, исторгает из уст своих слово такое: «Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу Вол, что по волнам провел до далекого Крита Европу, [13]

80 Как, свою спину подставивши, в дом свой меня перевозит Сей лягушонок, что мордой противною воду пятнает!» Вдруг над равниною водной, высокую вытянув шею, — Вот уж где ужас обоим, — явилась грозная гидра. Гидру увидев, нырнул Вздломорда, о том и не вспомнив [14],

85 Гостя какого, коварный, на верную смерть обрекает. Сам углубился в болото и гибели близкой избегнул, Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь упала, Лапками лагодя влагу и жалобный писк испуская. Часто ее заливала волна, но, живучая, снова

90 Наверх она выплывала... Однако судьбы не избежешь... Шерстка намокшая с большей все тяжестью книзу тянула, И, уж волной заливаем, пред смертью промолвил мышонок: «Ты, Вздломорда, не думай, что скроешь коварством проступок: Как со скалы потерпевшего в море кораблекрушение,

95 С тела меня ты низвергнул... В открытой борьбе или беге Не превзошел бы меня ты на суше. Ты наглым обманом [15] В воду меня заманил... Но всевидящий бог покарает [16] (Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиною!)» Так он Сказал и свой дух на воде испустил. Но случайно

100 Это узрел Блюдолиз, на крутом побережье сидевший. С писком ужасным пустился он весть сообщить всем мышатам. Эти же, новость проведав, вспылали ужаснейшим гневом И повелели глашатаям громко прокликать, чтоб утром Прибыли все на собранье в палаты царя Хлебогрыза,

105 Старца отца Крохобора, которого труп по болоту Выплывший жалко носился, — не к берегу родному, однако [17], Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину. Спешно, с зарей, все явились, и первым в собранье поднялся, Скорбью по сыну томимый, отец Хлебогрыз и промолвил:

110 «Друзи, хотя и один я теперь претерпел от лягушек, Любая может беда приключиться внезапно со всяким, Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился: [18] Первого сына стубила, свирепо похитив из норки, Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.

- 116 καινοτέραις τέχναις ξύλινον δόλον ἐξευρόντες,
118 ὁ τρίτος ἦν ἀγαπητὸς ἐμοὶ καὶ μητέρι κεδνῇ,
τοῦτον ἀπέπνιξεν Φυσίγναθος ἐς βυθὸν ἄξας.
- 120 ἀλλ' ἄγεθ' ὀπλίζεσθε καὶ ἐξέλθωμεν ἐπ' αὐτοὺς
σώματα κοσμήσαντες ἐν ἔντεσι δαιδαλέοισιν.
Ταῦτ' εἰπὼν ἀνέπεισε καθοπλίζεσθαι ἅπαντας,
καὶ τοὺς μὲν ἐκόρουσεν Ἄρης πολέμοιο μεμηλῶς,
κνημίδας μὲν πρῶτον ἐφήρμοσαν εἰς δύο μηρούς,
125 ἤξαντες κυάμους χλωρούς, εὖ δ' ἀσκήσαντες,
οὓς αὐτοὶ διὰ νυκτὸς ἐπιστάντες κατέτρωξαν.
θώρηκας δ' εἶχον καλαμοστεφῶν ἀπὸ βυρσῶν,
οὓς γαλέην δείραντες ἐπισταμένως ἐποίησαν.
ἀσπίς δ' ἦν λύχνου τὸ μεσόμφαλον ἢ δέ νυ λόγχη
- 130 εὐμήκης βελόνη, παγχάλλκεον ἔργον Ἄρης
ἢ δὲ κόρυς τὸ λέπυρον ἐπὶ κροτάφοις ἐρεβίνθου.
Οὕτω μὲν μύες ἦσαν ἔνοπλοι ὡς δ' ἐνόησαν
βάτραχοι ἐξανέδυσαν ἀφ' ὕδατος, ἐς δ' ἕνα χώρον
ἐλθόντες βουλὴν ξύναγον πολέμοιο κακοῖο.
- 135 σκεπτομένων δ' αὐτῶν πόθεν ἢ στάσις ἢ τίς ὁ θρύλ
λος,
κῆρυξ ἐγγύθεν ἦλθε φέρων ἄβδον μετὰ χερσίν,
Τυρογλύφου υἱὸς μεγαλήτορος Ἐμβασίχυτρος,
ἀγγέλλων πολέμοιο κακὴν φάτιν, εἶπέ τε τοῖα
ᾠ βάτραχοι, μύες ὑμῖν ἀπειλήσαντες ἔπεμψαν
- 140 εἰπεῖν ὀπλίζεσθαι ἐπὶ πτόλεμόν τε μάχην τε.
εἶδον γὰρ καθ' ὕδαρ Ψυχάρπαγα ὄν περ ἔπεφνε
ὑμέτερος βασιλεὺς Φυσίγναθος. ἀλλὰ μάχεσθε
οἱ τινες ἐν βατράχοισιν ἀριστῆες γεγάατε.
ᾠς εἰπὼν ἀπέφηνε ἰ λόγος δ' εἰς οὐάτα πάντων
- 145 εἰσελθὼν ἐτόραξε φρένας βατράχων ἀγερώχων
μεμφομένων δ' αὐτῶν Φυσίγναθος εἶπεν ἀναστάς
ᾠ φίλοι οὐκ ἔκτεινον ἐγὼ μὲν, οὐδὲ κατεῖδον
ὀλλύμενον ἄπαντος δ' ἐπνίγη παίζων παρὰ λ μνην,
νήξεις τὰς βατράχων μιμούμενος οἱ δὲ κάκιστοι
- 150 νῦν ἐμὲ μέμφονται τὸν ἀναίτιον ἄλλ' ἄγε βουλὴν
ζητήσωμεν ὅπως δολίους μύας ἐξολέσωμεν.
τοιγὰρ ἐγὼν ἐρέω ὡς μοι δοκεῖ εἶναι ἄριστα.
σώματα κοσμήσαντες ἐν ὀπλοῖς στῶμεν ἅπαντες
ἄκροις πὰρ χεῖλεσσιν, ὅπου κατάκρημνος ὁ χώρος
- 155 ἠνίκα δ' ὀρμηθέντες ἐφ' ἡμέας ἐξέλθωσι,
δραξάμενοι κορύθων, ὅς τις σχεδὸν ἀντίος ἔλθῃ,
ἐς λίμνην αὐτοὺς σὺν ἐκείναις εὐθὺ βόλωμεν.
οὕτω γὰρ πνίξαντες ἐν ὕδασι τοὺς ἀκολύμβους
ᾠδε τρόπαιον.
- 115 Сына второго жестокие люди на смерть на-
толкнули, С необычайным искусством из дерева хит-
рость устроив, Эту-то пагубу нашу ловушкой они
называют. Третий же сын, был и мой он любимец и
матери нежной... Ах, и его погубил Вздуморда,
сманивши в пучину.
- 120 Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягу-
шек, Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи». Речью такую он всех убедил за оружие взяться. Их воз-
буждал и Арей, постоянный войны подстрекатель,
Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,
- 125 Ловко для этого стручья зеленых бобов приспо-
собив, — Их же в течение ночи немало они понагрызли.
А с камышей прибережных сняв шкуру растерзанной
кошкой Мыши, ее разодравши, искусно сготовили латы.
Вместо щита был блестящий кружочек светильни, а иглы
- 130 Всякою медью владеет Арей — им как копья слу-
жили. Шлемом надежным для них оказалась скорлупка
ореха. Во всеоружье таком на войну ополчились мышата.
Живо узнали про это лягушки, и, вынырнув, тотчас В
место одно собрались, и совет о войне учредили.
- 135 Только пошли пересуды, откуда и кто неприятель,
Вражий внезапно явился, жезлом потрясая, глашатай —
Творогоеда бесстрашного сын, Горшколаз знаменитый.
Он, объявляя войну, к ним со словом таким обратился: «Я
от мышей к вам, лягушки, и послан я с вызовом грозным:
- 140 Вооружайтесь поспешно, готовьтесь к войне и
сраженьям. Ибо в воде увидели они Крохобора, в чьей
смерти Царь Вздуморда повинен. Так будьте теперь все
в ответе [19]. Тот же из вас, кто храбрее, на бой пусть ско-
рее дерзает». Так объявил им глашатай, и, грозное слово
услышав,
- 145 Затрепетали сердца и у самых бесстрашных
лягушек, Но Вздуморда, поднявшись, их речью
такой успокоил: «Други, не я убивал Крохобора и
даже не видел, Как он погиб: верно, сам утонул он,
резвясь у болота, В плаванье нам подражая. А эти
гнуснейшие мыши
- 150 Вздумали ныне меня обвинять. Ну, тем
лучше. Изыщем Способ мы раз навсегда весь их род
уничтожить коварный. Вот что я вам предложу и что
кажется мне наилучшим: В броню себя заковавши,
мы сомкнутым строем, все рядом Станем у края бо-
лота, на самом обрывистом месте,
- 155 Чтобы, когда устрелятся на нас ненавистные
мышы, Каждый ближайшего мог супостата, за шлем
ухвативши, Вместе с оружием грозным низвергнуть
в пучину болота. Там уже, плавать бессильных, мы
быстро их всех перетопим, Сами же мы, мышье-
бойцы, трофеей величавый воздвигнем»[20].

- 160 ὧς εἰπὼν ἀνέπεισε καθοπλίζεσθαι ἅπαντας.
φύλλοις μὲν μαλαχῶν κνήμας ἕας ἀμφεκάλυψαν,
θώρακας δ' εἶχον καλῶν χλοερῶν ἀπὸ σεύτων,
φύλλα δὲ τῶν κραιβῶν εἰς ἀσπίδας εὖ ἤσκησαν,
ἔγχος δ' ὀξύσχοινοσ ἐκάστω μακρὸσ ἀρήρει,
- 165 καὶ ἕα κέρα κοχλιῶν λεπτῶν ἐκάλυπτε κάρηνα.
φραζάμενοι δ' ἔστησαν ἐπ' ὄχθαισ ὑψηλαῖσι
σεῖοντεσ λόγχασ, θυμοῦ δ' ἔμπλητο ἕκαστοσ.
Ζεὺσ δὲ θεοῦσ καλέσασ εἰσ οὐρανὸν ἀστερόεντα,
καὶ πολέμου πληθὺν δεῖξασ κρατεροῦσ τε μαχητάσ,
- 170 πολλοῦσ καὶ μεγάλουσ ἢ δ' ἔγχεα μακρὰ φέροντασ,
οἶοσ Κενταύρων στρατοῦσ ἔρχεται ἢ Ἐργάντων,
ἢ δὲ γελῶν ἐρέεινε ἕ τίνεσ βατράχοισιν ἀρωγοὶ
ἢ μυσὶν ἀθανάτων; καὶ Ἀθηναίην προσέειπεν ἕ
Ἦ θύγατερ μυσὶν ἢ ἕα βοηθήσουσα πορεύσει;
- 175 καὶ γὰρ σοῦ κατὰ νηὸν ἀεὶ σκιρτῶσιν ἅπαντεσ
κνίση τερπόμενοι καὶ ἐδέσμασι παντοδαποῖσιν.
ὧσ ἄρ' ἔφη Κρονίδησ ἕ τὸν δὲ προσέειπεν Ἀθήνη ἕ
ὦ πάτερ οὐκ ἂν πῶ ποτ' ἐγὼ μυσὶν τειρομένοισιν
ἐλθοίμην ἐπαρωγόσ, ἐπεὶ κακὰ πολλὰ μ' ἔοργαν
- 180 στέμματα βλάπτοντεσ καὶ λύχνουσ εἶνεκ' ἐλαίου.
τοῦτο δὲ μοι λίην ἔδακε φρένασ οἶον ἔρεξαν.
πέπλον μου κατέτρωξαν ὃν ἐξύφηνα καμοῦσα
ἐκ ἕοδάνησ λεπτήσ καὶ στήμονα μακρὸν ἔνησα,
τρώγλασ τ' ἐμποίησαν ἕ ὃ δ' ἠπητήσ μοι ἐπέστη
- 185 καὶ πράσσει με τόκοῦ ἕ τὸ δὲ ἱγίον ἀθανάτοισιν.
χρησαμένη γὰρ ἔνησα καὶ οὐκ ἔχω ἀνταποδοῦναι.
ἀλλ' οὐδ' ὡσ βατράχοισιν ἀρηγέμενα βουλήσω.
εἰσὶ γὰρ οὐδ' αὐτοὶ φρένασ ἔμπεδοι, ἀλλὰ με πρῶην
ἐκ πολέμου ἀνιοῦσαν ἐπεὶ λίην ἐκοπώθην,
- 190 ὑπνοῦ δευομένην οὐκ εἶασαν θορυβοῦντεσ
οὐδ' ὀλίγον καταμῦσαι ἕ ἐγὼ δ' αὐπνοσ κατεκε μην ἕ
τὴν κεφαλὴν ἀλγοῦσαν, ἕασ ἐβόησεν ἀλέκτωρ.
ἀλλ' ἕγε παυσάμεσθα θεοὶ τοῦτοισιν ἀρήγειν,
μὴ κέ τισ ὑμείων τρωθὴ βέλει ὀξυόεντι ἕ
- 195 εἰσὶ γὰρ ἀγχέμαχοι, εἰ καὶ θεὸσ ἀντίον ἔλθοι ἕ
πάντεσ δ' οὐρανόθεν τερπόμεθα δῆριν ὀρῶντεσ.
ὧσ ἄρ' ἔφη καὶ τῇ γε θεοὶ ἐπεπεῖθοντ' ἕλλοι,
πάντεσ δ' αὐτ' εἰσῆλθον ἀολλέεσ εἰσ ἕνα χῶρον.
καὶ τότε κώνωπεσ μεγάλασ σάλπιγγασ ἔχοντεσ
- 200 δεινὸν ἐσάλπιγγαν πολέμου κτύπον ἕ οὐρανόθεν δὲ
Ζεὺσ Κρονίδησ βρόντησε, τέρασ πολέμοιο κακοῖο.
Πρῶτοσ δ' Ὑψιβόασ Λειχόνωρα οὔτασε δουρὶ
- 160 Речью такой убедил он лягушек облечься в доспехи:
Голени прежде всего они листьями мальвы покрыли, Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой, А для щитов подобрали искусно капустные листья. Вместо копья был тростник у них длинный и остроконечный,
- 165 Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка. Так на высоком побережье стояли, сомкнувшись, лягушки, Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги. Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает И, показав им величье войны и воителей храбрых,
- 170 Мощных и многих, на битву огромные копья несущих, Рати походной кентавров подобно иль гордых гигантов, С радостным смехом спросил, не желает ли кто за лягушек Иль за мышшей воевать. А Афине промолвил особо: «Дочка, быть может, прийти ты на помощь мышам помышляешь,
- 175 Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслаждением, Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаюсь». Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина: «Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану, Даже и в лютой беде их: от них претерпела я много:
- 180 Масло лампадное лизут и вечно венки мои портят, И еще горшей обидою сердце мое уязвили: Новенький плащ мой изгрызли, который сама я, трудясь, Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно. Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
- 185 Плату великую просит, а это богам всего хуже. [21] Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем. Так вот с мышатами... Все ж и лягушкам помочь не желаю: Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно, С битвы когда, утомленная, я на покой возвращалась,
- 190 Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки, Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась. И, когда петел запел, поднялась я с большой головою [22]. Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам: Острой стрелою поди и бессмертного могут поранить [23].
- 195 Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет. Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться». Так говорила Афина. И с ней согласились другие. Тотчас все боги, собравшись, пошли в безопасное место. Временем тем комары в большие трубы к сраженью
- 200 Вражеским станам обоим знак протрубили, а с неба Зевс загремел Громовержец, начало войны знаменуя. Первым Квакун Сластилиза — тот в первых рядах под-

έσταότ' έν προμάχοις κατά γαστέρα ές μέσον ήπαρ
κάδ δ' έπεσεν πρηνης, άπαλός δ' έκόνισεν έθειρας.

205 δουπήσεν δέ πεσών, άράβησε δέ τεύχε' έπ' αὐτῷ.
Τρωγλοδύτης δέ μετ' αὐτόν άκόντισε Πηλείωνος,
πήξεν δ' έν στέρνω στιβαρόν δόρυ τόν δέ πεσόντα
είλε μέλας θάνατος, ψυχή δ' έκ σώματος έπτη.
209 Σευτλαῖον δ' άρ' έπεφνε βαλών κέαρ Έμβασίχυτρος,

223 Τυροφάγον δ' αὐτήσιν έπ' όχθαις έξενόριζεν.
Πτερογλύφον δέ ιδών Καλαμίνθιος ές φόβον
ήλθεν,
ήλατο δ' ές λίμνην φεύγων τήν άσπίδα ίψας.

226 Λιτραῖον δ' άρ' έπεφνεv άμύμων Βορβοροκοίτης,
228 χερμαδίω πλήξας κατά βρέγματος' έγκέφαλος δέ
έκ ινῶν έσταξε, παλάσσετο δ' αίματι γαῖα.

230 Λειχοπίναξ δ' έκτεινεν άμύμονα Βορβοροκοίτην,
έγχει έπαίτιι'ίξας τόν δέ σκότος' όσσε κάλυπεν.
Πρασσαῖος δέ ιδών ποδός είλκυσε νεκρόν έόντα,
έν λίμνη δ' άπέπνιξε κρατήσας χειρὶ τένοντα.
Ψυχάρπαξ δ' ήμυν' έτάρου περι τεθνεϊώτος

235 καί βάλε Πρασσαῖον κατά νηδύος ές μέσον ήπαρ,
πίπτε δέ οί πρόσθεν, ψυχή δ' Αιδόσδε βεβήκει.
Κραμβοβάτης δέ ιδών πηλοῦ δρόκα ίψεν έπ' αὐτόν,
καί τὸ μέτωπον έχρισε καί έξετύφλου παρὰ μικρόν.
ώργισθη δ' άρ' εκείνος, έλὼν δ' άρα χειρὶ παχείη

240 κείμενον έν δαπέδω λίθον όβριμον, άχθος
άρούρης,
τῷ βάλε Κραμβοβάτην ύπὸ γούνατα' πάσα δ'
έκλάσθη
κνήμη δεξιτερή, πέσε δ' ύπτιος έν κονίησι.
Κραυγασίδης δ' ήμυνε καί αὐθις βαῖνεν έπ' αὐτόν,
τύψε δέ οί μέσσην κατά γαστέρα' πάς δέ οί είσω

визался — Метким копьем поражает в самую печень по
чреву: Навзничь упал он, и неясная шерстка его запыли-
лась[24].

205 С грохотом страшным скатился, доспехи на нем
зазвенели[25]. Этому вслед Норолаз поражает копьем Гря-
зезового Прямо в могучую грудь. Отлетела от мертвого тела
Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет. Острой
стрелой тут в сердце Свекольник убил Горшколаза.

210 (В брюхо удар Хлебоеда на смерть Крикуна по-
вергает: Наземь упал он стремглав, и от тела душа отле-
тела. Гибель героя увидев и мщеньем за друга пылая,
Камень огромный, на жернов похожий, схватил Болотня-
ник, В шею метнул Норолазу; в глазах у того потем-
нело[26].

215 Тут уже жалость взяла Травоглода, и дротиком
острым Он упредил нападение врага. Но и сам попла-
тился: Ловко копьем дальнолетным в него размахнулся
Облиза, Меток удар был, под самую печень копье угодило.
Он на Капустника, по побережью бежавшего, яро

220 Ринулся, но, не смутившись, тот сам обратил его
в бегство. В воду злосчастный упал и живой уж не вы-
плыл, багровой Кровью окрасил болото, и, вздутый, с
кишками наружу, Долго еще труп героя у берега горестно
бился.) Творогоед же от смерти и на берегу не сберегся.

225 В ужас пришел Мятолюб, когда Жирообжору уви-
дел: Бросивши щит, он проворно спасается бегством к бо-
лоту. Соня Болотный убил знаменитого Землеподкопа (А
Водорад поразил беспощадно царя Лизопята), Тяжким бу-
льжником череп ему раскроив. Размягченный

230 Из носу мозг его вытек, и кровью земля обagri-
лась. Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз без-
упречный, Дротик свой бросив, и тьма ему взоры навеки
покрыла. Это увидел Чесночник, и, за ноги труп расто-
ропно Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бро-
сил.

235 Тут за убитого друга герой Крохобор заступился,
[27] Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево.
Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела. Бо-
лотолаз, то увидев, горсть грязи швырнул в Крохобора:
Тина лицо облепила, он зрения чуть не лишился.

240 Гневом вспылал Крохобор и, могучей рукой ухва-
тивши Камень из долу огромный, — земли многолетнее
бремя, — В Болотолаза метнул его яростно. Вся раздро-
билась Правая голень его, и, подрубленный, пал он на
землю. Тут и Пискун на него напустился и сильно ударил

- 245 ὀξύσχοινοσ ἔδυνε, χαμαὶ δ' ἔκχυντο ἅπαντα
ἔγκατ' ἐφελκομένω ὑπὸ δούρατι χειρὶ παχείῃ
Τρωγλοδύτης δ' ὡσ εἶδεν ἐπ' ὄχθησιν ποταμοῖο,
σκάζων ἐκ πολέμου ἀνεχάζετο, τείρετο δ' αἰνῶσ
ἦλατο δ' ἐσ τάφρους, ὅππωσ φύγη αἰπὺν ὄλεθρον.
- 250 Τρωξάρτης δ' ἔβαλεν Φυσίγνωθον ἐσ ποδὸσ ἄκρον.
- 252 Πρασσαῖοσ δ' ὡσ εἶδεν ἔθ' ἡμίπνουσ
προπεσόντα,
ἦλθε διὰ προμάχων καὶ ἀκόντισεν ὀξύσχοινοσ
οὐδ' ἔρρηξε σάκοσ, σχέτο δ' αὐτοῦ δουρὸσ ἀκωκῆ
- 255 οὐδ' ἔβαλε τρυφάλειαν ἀμύμονα καὶ τετράχυτρον
δίοσ Ὀριγανίων, μιμούμενοσ αὐτὸν ἼΑρηα,
ὃσ μόνοσ ἐν βατράχοισιν ἀρίστευεν καθ' ὄμιλον
- 258 ὠρμησεν δ' ἄρ' ἐπ' αὐτόν ὁ δ' ὡσ ἴδεν οὐχ
ὑπέμεινεν.
- 260 Ἦν δέ τισ ἐν μουσὶ παῖσ Μεριδάρπαξ ἔξοχοσ ἄλλων,
Κναῖσωνοσ φίλοσ υἱὸσ ἀμύμονοσ ἀρτεπι βούλου
οἴκαδ' ἴεν, πολέμου δὲ μετασχεῖν παῖδ' ἐκέλευεν
οὗτοσ ἀναρπάξαι βατράχων γενεὴν ἐπαπεῖλει
ἀγχοῦ δ' ἔσθηκεν μενεαίνων ἴφι μάχεσθαι
- 265 καὶ ἦξασ καρύοιο μέσσην ἀχιν εἰσ δύο μοίρασ
φράγδην ἀμφοτέροισι κενύμασι χειράσ ἔθηκεν
οἱ δὲ τάχοσ δείσαντεσ ἔβαν πάντεσ κατὰ λί μνην
καὶ νύ κεν ἐξετέλεσσεν ἐπεὶ μέγα οἱ σθένοσ
- ἦεν,
εἰ μὴ ἄρ' ὀξὺ νόησε πατῆρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε.
- 270 καὶ τότε ἀπολλυμένουσ βατράχοуσ ὄκτειρε Κρονί
ων,
κινήσασ δὲ κάρη τοίην ἐφθέγξατο φωνήν
Ἦ πόποι ἦ μέγα θαῦμα τόδ' ὀφθαλμοῖσιν ὀρώμα
- 274 ἼΑρπαξ ἐν βατράχοισιν ἀμείβεται ἄλλὰ τάχιστα
Παλλάδα πέμψομεν πολεμόκλονον ἢ καὶ ἼΑρηα,
οἳ μιν ἐπισχῆσουσι μάχης κρατερόν περ ἔόντα.
Ἦσ ἄρ' ἔφη Κρονίδησ ἼΑρησ δ' ἀπαμείβετο
μύθῳ
οὐτ' ἄρ' Ἀθηναίησ Κρονίδη σθένοσ οὔτε ἼΑρηоσ
ἰσχύει βατράχοισιν ἀμυνέμεν αἰπὺν ὄλεθρον.
- 280 ἀλλ' ἄγε πάντεσ ἴωμεν ἀρηγόνεσ ἢ τὸ σὸν ὄπλον
282 ὡσ ποτε καὶ Καπανῆα κατέκτανεσ ὄβριμον ἄνδρα
καὶ μέγαν Ἐγκελάδοντα καὶ ἄγρια φύλα Γιγάντων.
καὶ μέγαν Ἐγκελάδοντα καὶ ἄγρια φύλα Γιγάντων.
- 286 πρῶτα μὲν ἐβρόντησε, μέγαν δ' ἐλέλιξεν ἼΟλυμπον.

- 245 В чрево. Проникло в утробу копьѣ глубоко, и как
только Крепкой рукою копьѣ извлек из брюха против-
ник, Тотчас наружу за ним и все внутренности потяну-
лись. Видя, что на побережье от смерти не
убережешься, Еле плетясь и измученный страшно, сра-
жение покинув,
- 250 В ров Зерногрыз пробирался, чтоб гибели
лютой избегнуть. В пятку копьѣм уязвив, поразил Хле-
богрыз Вздумоморду (Позже, хоть раненный тяжко, он
вынырнул вновь из болота). Видя, что дышащий трудно
во прахе простерт Вздумоморда, К первым рядам устре-
мившись, копьѣ в него Луковник бросил,
- 255 Но уцелел крепкий щит, и копьѣ острие в нем
застряло. Также и дивный Полынник, в сражениях рав-
ный Арею, Сбросить не смог с головы Вздумоморды
тяжелого шлема, Хоть средь лягушек воинственных ви-
тязем первым считался: Слишком уж много врагов на
него устремилось. Пред грозным
- 260 Натиском не устоял он и спешно в болоте
укрылся. Был средь мышей еще юный, но храбростью
всех превзошедший, Славный герой Блюдоцал, знаме-
нитого сын Хлебоскреба. Из дому вызвавши сына, отец
его в бой посылает. Этот же витязь, с угрозою весь
истребить род лягушек,
- 265 Гордо вперед выступает, пылая с врагами сра-
зиться. Тотчас лягушки, объятые ужасом, в бегство пу-
стились. Силою владея великого, тут бы их всех погубил
он, Если бы зоркий Кронион, отец и бессмертных и
смертных, Гибнущих видя лягушек, к ним жалостью
вдруг не проникся
- 270 И, головой сокрушенно качая, богам не промол-
вил: «Боги! Великое диво я вижу своими глазами.
Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник,
Что на болоте свирепствует. Впрочем, его успокоим.
Тотчас Афины пошлем или шумного в битвах Арея:

275 Эти его, хоть отважного, живо от битвы отва-
дят». Кроноса сын так промолвил. Арей же ему возра-
жает: «Ныне, Кронид, уж ни мудрость Афины, ни сила
Арея Лютую смерть отвратить не сумеют от жалких ля-
гушек[28], Разве на помощь им все мы направимся, да
и оружие,

280 Коим когда-то сразил Капанея, могучего мужа,
[29] Дерзостного Энклада и дикое племя гигантов,
[30] Ты и теперь пустишь в ход – перед этим и храбрый
смирится». Только промолвил Арей, громовою молнией
грянул Кроноса грозного сын, — и великий Олимп со-
дрогнулся,

285 Знаменьѣ страшное в ужас повергло мышѣй и ля-
гушек, Все же мышиноѣ войско сражения не прекураща-

289 πάντας μὲν ἐφόβησε βαλὼν βατράχους τε μύας τε
ἀλλ' οὐδ' ὡς ἀπέλυγε μυῶν στρατός, ἀλλ' ἔτι
μᾶλλον

ἔλπετο πορθήσειν βατράχων γένος αἰχμητῶων,
εἰ μὴ ἀπ' Οὐλύμπον βατράχους ἐλέησε Κρονίων,
ὅς ἔα τότε ἐν βατράχοισιν ἀρωγούς εὐθὺς ἔπεμψεν.
Ἴηλον δ' ἐξαίφνης νωτᾶκμονες, ἀγκυλοχεῖλαι,

295 λοξοβάται, στρεβλοί, ψαλιδόστομοι, ὀστρακόδερμοι,
ὀστοφυεῖς, πλατύνωτοι, ἀποστίλβοντες ἐν ὄμοις,
βλαισίοι, χειλοτένοντες, ἀπὸ στέρνων ἐσορώντες,
ὀκτάποδες, δικάρηνοι, ἀχειρέες, οἱ δὲ καλεῦνται
καρκίνοι, οἳ ἔα μυῶν οὐράς στομάτεσσιν ἔκοπτον

300 ἦδὲ πόδας καὶ χεῖρας ἄνεγνάμπτοντο δὲ λόγχα.
τοὺς δὴ ὑπέδεισαν δειλοὶ μύες οὐδ' ἔτ' ἔμειναν,
ἐς δὲ φυγὴν ἐτρέποντο ἑδύετο δ' ἥλιος ἦδη,
καὶ πολέμου τελετὴ μονοήμερος ἐξετελέσθη.

ло, Крепко надеясь лягушачий род истребить совершенно, Что и могло бы случиться, если б с Олимпа Кронион, Сжалившись, в помощь лягушкам не выслал защитников новых.

290 Вдруг появились создания странные: криво-клевшевы, В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою, Рот словно ножницы, кожа - как кости, а плечи лоснятся, Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди, Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому двуголови –

295 Раками их называют... И тотчас они начинают Мышьи хвосты отгрызать, заодно уж и ноги и руки. Струсили жалкие мыши, и, копыта назад повернувши, В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем закатилось, И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

Батрахиомахия: комментарии.

Батрахиомахия – единственная известная на сегодняшний день античная поэма-пародия. Сохранилась полностью. Автор неизвестен. Датировка весьма широкая: с VI по IV вв. до н.э. Отсутствие в тексте каких-либо намёков на современные автору события или идеи (философские течения, политические лозунги и т.п.) не позволяет сказать точнее.

В поэме пародируется эпос о подвигах героев давно ушедших времён. Как убедительно показала в своих лекциях E. Vandiver слово «герой» имело в эллинской мифологии несколько значений, в данном случае имеются в виду великие воины начала эллинской истории, каждый из которых рождён божеством (чаще богом, но иногда богиней) и смертным (нередко не просто человеком, а героем предыдущего поколения). Большинство аристократов возводило свои роды к этим воинам. Рубежом, после которого начиналась собственно история была Троянская война, эллины постоянно соотносили происходившее у других народов с данным событием. С другой стороны она знаменовала окончание легендарной эпохи, времени жизни и деятельности героев. Герои, в свою очередь, делились на поколения, каждое из которых было хуже предыдущего. Нестор[а] говорит Агамемнону[б] про предшествующие поколения:

[а] Среди осаждавших Илион ахейцев Нестор, правитель Пилоса, олицетворял старца – мудрого советчика.

Два поколенья уже современных ему человек
Скрылись, которые некогда с ним возростали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.

[Гомер «Илиада» I, 250-252]

Относительно мудрости героя характерны обращённые к нему слова Агамемнона:

Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!
Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахейцев советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками пленённый и в прах обращённый!

[Гомер «Илиада» II, 370-374]

[б] Агамемнон – правитель Микен и предводитель ахейского воинства.

...с ними стязаться

Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?

[Гомер «Илиада» I,271-272]

Деградация продолжалась, потому современные люди совсем ни в какое сравнение не идут даже с последним, троянским поколением.

Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тагость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей, – но размахивал им и один он;

[Гомер «Илиада» V,302-304]

Из подобного эпоса до нас дошла только «Илиада» Гомера, но существовали и другие поэмы, например, так называемый «Киклический эпос» (на основе которого Квинт Смирнский в III-IV вв. создал «Постгомерики»), «Возвращения» неизвестного автора VII в. до н.э. и т.д.

Именно такую литературу пародирует «Батрахиомахия». Она написана тем же гекзаметром (особым сложным для понимания и написания стихотворным слогом), в таких же возвышенных выражениях, но повествует о подвигах мелких существ – мышей и лягушек. Они так же, как герои древности, произносят пространственные речи, в их судьбе значительную роль играют боги, но всё это описывается с явной издёвкой. «Батрахиомахия» приводится в переводе М.Альтмана, «Илиада» и «Одиссея» Гомера цитируются по переводам Н.Гнедича, «Труды и дни» и «Теогония» Гесиода – В.Вересаева.

[1] К первой строке приступая, я муз хоровод с Геликона
Сердце моё вдохновить умоляю на новую песнь...

Ср. из «Теогонии» Гесиода:

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
...Песням прекрасным своим обучили они Гесиода.

Гекзаметрическая «Теогония» сегодня не так широко известна, как поэмы современника Гесиода Гомера. Однако для самих эллинов данное произведение было общепризнанным повествованием и возникновении мира и богов. Параллель между ним и «Батрахиомахией» не удивительна.

[2] С писчей доской

Имеется в виду дощечка, покрытая воском, на которой писали заострённой палочкой. Использовалась для писем, текущих записей и т.д. Поэмы фиксировались обычно основательнее. Таким образом, подчёркивается несерьёзность произведения.

[3] уподоблялись землёю рождённым гигантам

Гиганты – чудовища, воевавшие с богами Олимпа. Их не следует путать с титанами, в отличие от последних, они не были богами и никогда не правили миром. Это огромные существа со спутанными волосами и бородами, верхняя часть их тела человеческая, нижняя – змеиная. О силе и грозности гигантов свидетельствует то, что для убийства одного из них (Энкалада) Афине пришлось придавить его островом Сицилией, а из кожи другого (Паланта) получился достойный богини-воительницы панцирь.

[4] согласно сказанью

На самом деле здесь нет противоречия со ст.3. Гомер тоже сочинил поэму, то есть, сформулировал строки, по сюжету, давно известному его слушателям. За всю первую песнь «Илиады» ни разу не говорится, почему, собственно, ахейцы выступают войной против троянцев [Гомер «Илиада» I]. Елена впервые упомянута только во второй песне, причём причин войны всё равно это упоминание не раскрывает [Гомер «Илиада» II, 34]. М

нехай впершыя сустракаецца ў поле зроку паэта ў трэцяй песне, але і тады чётка не прапісана: кем прыходзіць ёму Елена [Гомер «Іліада» III, 21-29]. У судзе Парыса гаворыцца толькі ў дваццаць чввёртай песне, да і то вскользь [Гомер «Іліада» XXIV, 29-30].

[5] Из какого ты роду?

Если окажешься дружбы достойным, сведу тебя в дом свой.
В эпические времена, как, впрочем, и в исторической Элладе, существовал обычай гостеприимства. Гомеровская «Одиссея» полна сцен радушной встречи путников. Но речь идёт всегда о приёме басилеев (аристократов) басилеями, поэт просто не упоминает случаев приёма простолюдинов басилеями. Уже в первой песне Телемах хорошо принимает и щедро угощает Афины, пришедшую к нему в гости в облике правителя тафийцев Ментеса, но при этом практически с порога обращается с куда более пространной речью, в ходе которой кроме всего прочего спрашивает:

Кто ты? Какого ты племени? Где ты живёшь? Кто отец твой?

[Гомер «Одиссея» I,166]

Вопрос, что значит по понятиям эпических героев «быть достойным» дружбы или в принципе уважения спорен, спорно соотношение личных заслуг и полученных от рождения преимуществ. С одной стороны родословная, наличие многих благородных, лучше божественных предков приводится и автором, и самим действующим лицом по любому поводу и даже без повода (отчего нередко выходит так, что противники останавливаются прямо посреди поля боя и начинают хвастаться своими родственниками [II XX,156-258]). С другой – подчёркиваются воинские подвиги героев, именно доблесть в битве, то есть собственные прижизненные заслуги позволяют им властвовать, про что Сарпедон прямо говорит Главку, побуждая последнего идти в атаку:

Сын Гипполохов! За что пред всеми нас отличают

....

В царстве Ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?

....

Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.

[Гомер «Іліада» XII,310,312,315-316]

[6] Родом же я от Грязного

Грязной по-эллински – Пелей. В «Іліаде» такое имя носіт отец величайшего героя ахейцев – Ахиллеса [Гомер «Іліада» XVI,15], мать его – нимфа Фетида [Гомер «Іліада» I,413-414], обитающая в глубине моря в доме Нерея [Гомер «Іліада» I,357-358]. Нерей – морской старец, так что намёк «Батрахиомахии» о «царевне водной» также весьма прозрачен.

[7] скипетродержец

Басилей-скипетродержец – в эпосе один из эпитетов-штампов.

[8] и матери милой

В «Іліаде» упоминаются только предки-мужчины (за исключением богинь, нимф и других бессмертных), матери начинают фигурировать позже.

[9] Ни пирожочки медовые, – их же вкушают и боги, –

Намёк на печенья, которые употреблялись в качестве жертвы богам. Естественно, мотив не эпический, а современный автору. К подобной практике прибегали бедняки, предавая печеньям форму животных, принести в жертву которых не хватало денег.

[10] я в первых рядах подвизаюсь
Стандартная гомеровская формула.

[11] Но, признаюсь, опасаясь я двух чудовищ на свете:

Слова немислимые для эпического героя. Им случалось бежать от более мощных противников, но заявлять о своём страхе – никогда. Прямое признание в боязни от существа, претендующего на роль алягомеровского бацилея, а также причина этого страха у современников автора, видимо, вызывали гораздо больший смех, чем у современного читателя.

[12] назначил Кронион

Кронид, то есть сын Крона – Зевс. В эпосе наименование по имени отца встречается часто. В эллинской мифологии существуют разные концепции формирования судьбы людей. По самой известной ныне концепции её определяют три мойры: Лахесис ещё до рождения человека отмеряет длину нити (то есть жизни), которую потом прядёт Клото, определяя ход событий; когда отмеренная Лахесис длина сплетена Клото, Атропос обрезает нить. Косвенные подтверждения именно таких верований есть в «Илиаде». Наблюдая за поединком Ахилла и Гектора Зевс с помощью золотых весов лишь узнаёт не им определённую судьбу героев [Гомер «Илиада» XXII,209-214]. Гекуба (жена Приама, Троянского правителя) говорит о судьбе Гектора:

... такую, знать, долю суровая Парка
Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила
[Гомер «Илиада» XXIV, 209-210]

Правда, речь идёт о единственной пряхе (наименование «Парка», данное мойрам позже в римской мифологии – неточность переводчика).

Но была и другая концепция, по которой Кронид единолично вершит людские судьбы. В «Илиаде» есть упоминание о двух урнах перед порогом Зевса: одна с бедами, другая со счастьем; некоторым смертным в жизни даётся из обоих сосудов, некоторым – только из первого [Гомер «Илиада» XXIX,527-533]. Гораздо определённое в пользу такого верования высказывается в «Трудах и днях» Гесиод, утверждая дословно следующее:

Смертные мужи равным образом и бесславные, и славные
А также безвестные от Зевса получают по воле [его].
[Hes. Erga. 3-4]

А в «Одиссее» Зевсу даже приписывается действие, обычно свойственнок Мойрам:

Род человека легко познается, которому выпрял
Счастье Зевс-промыслитель при браке его иль рожденьи.
[Гомер «Одиссея» IV, 207-208]

Следующим шагом в развитии таких представлений был монотеистический орфизм. Орфики утверждали, (насколько мы об этом можем судить: священные тексты орфиков не интересовали средневековых переписчиков-христиан, потому не сохранились), что весь мир после творения проглочен Зевсом и создан заново из самого себя, соответственно всё сущее – часть Зевсом, в частности Мойра – это суть разум и дыхание его, пронизывающее весь мир.

Орфизм – не общеэллинское верование, но оно возникло не на пустом месте и перекликалось с представлениями большей части населения. В «Батрахиомахии» Кронид показан дарителем земной доли, судьбы.

[13] Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу
Вол, что провёл до далёкого Крита Европу

путешествия понадобилось обращаться именно в быка (убежище беглецы нашли на Крите) непонятно. От этого союза родились Минос, Сарпедон и Радаманф. Данный миф целиком встречается впервые в произведении весьма позднего автора Аполлодора, так что во время написания «Батрахиомахии» он мог иметь немало иную форму, но общая канва, как видно, совпадает.

Перевод слова *tavros* как «вол» — ошибка переводчика. Вол – кастрированный бык, что делает его гораздо более спокойным; это удобнее для сельского хозяйства, но вряд ли подходило для описанных в мифе целей.

[14] гидра

Дословное прочтение эллинского слова *hidros*, которое переводится как «водяная змея», или «уж».

[15] В открытой борьбе или в беге не превзошёл бы меня ты на суше.

Сражаясь, эпические герои показывали прежде всего наличие харизмы, то есть благосклонности богов; непосредственные боевые успехи были только следствием её наличия и лишь она давала право на власть в общине. Со временем, когда войн стало меньше, наличие харизмы начали доказывать через агоны, то есть состязания (напоминающие современный спорт, но, с другой стороны, сильно отличающиеся прежде всего степенью травмоопасности для соревнующихся). Получается, что соревнования в беге, борьбе и т.д. являлись в некотором смысле тождественными поединкам.

[16] Но всевидящий бог покарает

Здесь автор, видимо, опять имеет в виду Зевса. Гесиод в «Трудах и днях» показывает главного олимпийца как силу карающую несправедные действия, особенно басилеев (за злодеяния которых страдают иногда целые народы). Громовержец замечает все, в этом ему помогает и богиня справедливости Дике [Гесиод «Труды и дни» 225-264].

[17] не к берегу родному, однако, Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину.

Для эллина очень важно было быть погребённым. По пути в царство мёртвых души должны были пересечь реку Стикс, перевозил через неё Харон только преданных земле. При этом желательна, но не обязательна была полноценная могила: благочестивому путнику, увидевшему не похороненный труп достаточно было бросить на него горсть земли, горсть земли бросали и в море над местом кораблекрушения. Представления о важности похоронного обряда существовали у эллинов с первых веков их существования. Не даром XXIV песнь «Илиады» посвящено рискованному тайному визиту Троянского царя Приама за телом сына [Гомер «Илиада» XXIV], а труп Пандора так ревностно охраняется от врагов Энеем [Гомер «Илиада» V,297-302].

[18] Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился: Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки, Нашему роду враждебная, неукротимая кошка. Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули, С необычным искусством из дерева хитрость устроив, Эту-то пагубу нашу ловушкой они называют. Третий же сын, был и мой он любимец, и матери нежной... Ах, и его погубил Вздумоморда, сманивши в пучину. Здесь прослеживается явная параллель с причитаниями Приама:

Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил браноносных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери было единой;

Прочих родили другие любезные жёны в чертогах;
 Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
 Сын оставался один, защищал он и град наш и граждан;
 Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегося храбро,
 Гектора!

[Гомер «Илиада» XXIV,493-501]

[19] Царь Вздумоморда повинен. Так будьте теперь все в ответе.
 Наглядная иллюстрации пассажи Гесиода:

И страдает
 Целый народ за нечестье царей

[Гесиод «Труды и дни» 260-261]

[20] трофей величавый воздвигнем

На месте битвы победившее войско водружало на столб снятые с убитых врагов доспехи, это и называлось «воздвигнуть трофей».

[21] Плату великую просит, а это богам всего хуже.

И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.

Олимпийские боги ещё у Гомера очеловечены настолько, что даже испытывают вполне человеческие боль и муки [Гомер «Илиада» V,383-402]. В последствии такие представления развивались, сочетаясь с упадком веры в официальный пантеон, развитием мистицизма и явления, названного советской историографией религиозным скептицизмом. В комедии «Лягушки» Аристофана бог Дионис не просто радуется хорошему приёму и страдает от побоев, но и переодевает раба в свою одежду, чтобы побоев избежать [Аристофан «Птицы» 457-672]. В «Батрахиомахии» бессмертным также преписаны совсем уже мелочные и корыстные помыслы.

[22] Острой стрелой поди и бессмертного могут поранить.

В «Илиаде» Диомед поражает Афродиту копьём в руку, а Арею наносит рану, смертельную для человека [Гомер «Илиада» V, 335-339, 857-859].

[23] Метким копьём поражает в самую печень по чреву:

Навзнич упал он и нежная шёрстка его запылелась.

Последующее описание битвы перекликаются с «Илиадой практически каждой строчкой». Анатомически подробности также вполне характерны для пародируемого в поэме Гомера.

И ему обращённому пику в хребет углубил он
 Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.

[Гомер «Илиада» XI,447-448]

В переводе с языка времён Н.Гнедича на современный русский получается: копьё перебило позвоночник, прошло между лопаток и, пронзив тело насквозь, вышло в раёне груди. Нередко подобные описания идут одно за другим, так что если рассматривать экранизировать «Илиаду», используя авторский текст напрямую как сценарий, получившийся фильм по обилию крови и жестокости переплюнет голливудских рекордсменов в этой области.

[24] С грохотом страшным скатился, доспехи на нём зазвенели.

А здесь вообще повторена стандартная гомеровская поэтическая формула [Гомер «Илиада» IV,504; V,42; XIII,187; XVII,50,311].

[25] Камень горомный, на жёрнов похожий схватил Болотняник
В шею метнул Норолазу; в глазах у того потемнело.
Камень – вполне обычное для эпических героев оружие.

Но, назад он подавшись, камень рукою могуче
Сорвал, средь поля лежавший, чёрный, жестокий огромный;
Махом поверг, и Аяков блистательный щит семикожный
Глыбой в средину ударил, взревела вся медь щитовая.

[Гомер «Илиада» VII,264-267]

А ведь речь идёт даже не о битве, а о поединке Гектора и Аякса перед лицом обеих ратей.

[26] Тут за убитого друга герой Крохобор заступился

Конечно, это не тот Крохобор, из-за гибели которого началась война. Здесь автор явно допустил ошибку, дав двум героям одно и то же имя. Это неточность не переводчика, в эллинском тексте в обоих местах слово в буквальном переводе – Крохопохититель. Подобного ни разу не случилось с Гомером.

[27] Ныне, Кронид, уж ни мудрость Афины, ни сила Арея
Лютую смерть отвратить не сумеют от жалких лягушек.

Никогда в эпосе смертные не делали того, что не могли бы остановить боги. Другое дело, когда одни бо- жества поддерживали смертных других небожителей. О таком бессилии олимпийцев Гомер, скорее всего, не мог даже помыслить. Здесь наиболее полно проявляется неверие в официальный пантеон Олимпийских божеств (см. коммент. к ст.185 и ст.192).

[28] сразил Капанея

Согласно мифу свататься к дочерям Адраста, правителя Аргоса, Аргии и Деипиле пришло так много же- нихов, что из боязни, как бы они все вместе не натворили бед (ср. с женихами Пенелопы в доме Одиссея), их отправили в войной на Фивы. Поход возглавили сразу семь вождей, одним из которых был Капаней. Он был убит посланной Зевсом молнией, когда по лестнице взбирался на городскую стену.

[29] Дерзостного Энкилада

Энкилад – один из гигантов (см. коммент. к ст.7). По дошедшему до нас (через посредство Аполлодора) варианту мифа убит Афиной, которая придавила его островом Сицилия. Но здесь по всем признакам речь идёт о молнии – главном оружии Зевса, так что автор «Батрахиомахии» явно руководствуется другим, не дошедшим до нас вариантом.

Пробелы в эллинском тексте заполнены в русском переводе произвольно, исходя из общего стиля произве- дения